

2

**VII Международный конгресс
МОНГОЛОВЕДОВ**

(Улан-Батор, август 1997 г.)

Доклады российской делегации

ПРАВО В МОНГОЛЬСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В политической культуре традиционного монгольского общества остается нерешенным вопрос о наличии кодифицированного права ("Яса") в период монгольской империи, о принципах регулирования монгольского общества, о характере предписаний, которыми они определялись. Чаще всего ответом на этот вопрос бывает утверждение, что монголы со времен Чингис-хана руководствовались в своей деятельности сводом законов, называемых "Ясой". В соответствии с исторической реальностью, круг текстов, которые могли служить монголам руководством в их деятельности в качестве правовых норм значительно шире.

Благодаря тщательно проделанной И.Рахевилцем работе по учету известных на сегодня данных о "Ясе", мы имеем достаточно полную картину, хотя большая часть вопросов о ее характере по-прежнему остается нерешенной. Прежде всего необходимо сказать, что несмотря на отсутствие в "Современном сказании" указания на принятие свода (-текста) "Ясы", есть упоминание термина (jasaγ) в разных контекстах.

§153. "Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило (здесь и далее подчеркнуто мной. – Т.С.) (jasaγ): "Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи... Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!" ...В нарушении указа (jasaγ) задержались, сказывается, у добычи трое: Алтан, Хучарли Даридай. За несоблюдение приказа (jasaγ) у них отобрано, через посланных для этого Хучара и Хубилая (военачальники, т.е. не были выделены специальные группы людей для выполнения даже императорских приказов, нет исполнителей власти – Т.С.), отобрано все, что они успели схватить" [2, с.123].

§189. "Прозорливо правит наша государыня Гурбесу" [2, с.142] (точнее: "правление (jasaq) Гурбэсу – строгое" – Т.С.). Как видим, термин связан не только с Чингисидами, а означает любое правление.

§193. "Чингис-хан одобрил это предложение (jarliq bologun) (зажечь костры, чтобы обмануть противника. – Т.С.) и тотчас отдал по войску приказ (ceri'üt-te jasaq tungqaba) [2, с.145]. Здесь, как мы видим, jarliq и jasaq – синонимы. И.Рахевилц отмечает, что вписанные между строк китайские иероглифы в обоих случаях одни и те же – "фа-ту" (закон) [4, с.97].

§197. "Подвергнуть его самому строгому допросу и передать суду (jasaq bolqaya)." [2, с.150] – несомненно, вводит новое значение термина.

§199. "Чингис-хан отдал приказ (jarliq bologun)... Если и такой распорядок установишь (eün jasaqlaju bo'et), то виноватых (jasaq dabaqsad-i) нещадно ты бей. Тех же, кто ваши указы нарушит (jarliq dabaqsad-i)" [2, с.152–153]. В этом отрывке jarliq и jasaq синонимичны, виновными считаются преступившие указ, распоряжение (jasaq/jarliq dabaqsad).

§227. "Чингис-хан... установил следующий порядок (jarliq bolju) дежурств: в первую очередь вступают со своими нешиктенами и командует ими (kisikten-i jasaγ) ... распорядок несения дежурной службы (kesik ogoqui jarliq tungqarun): здесь ср. jasaq tungqasai

§193 – Т.С.) [2, с.170].

§257. "Чингис-хан совсем уж было приговорил (jasaq bolqan) к смертной" [2, с.187].

§278. "Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств (т.е. "нарушать правила" – Т.С. jasaq konte'esü)" [2, с.197]. В этом параграфе, содержащем описание устройства гвардии после смерти Чингис-хана, употребляются различные монгольские термины для выражения наряду с упомянутым jasaq: "издал указ" (jarliq bologun), "по правилам прежнего указа" (urida yosu-'ar...jarliq) "по прежним обычаям/правилам" (urida yosi-'ar). Есть в этом параграфе и случай употребления глагола, аналогичный §227: "Пусть управляют хешиктенами!" (kesik turqa'ud-i jasaγu orotuqai).

Мне думается, что перечисленный ряд употребления термина позволяет определить поле его значений: 1) распоряжаться, управлять. Вероятно, сюда включается и судебная сфера, так как для

этого периода характерна неразделимость законодательной и исполнительной властей; 2) руководство, управление, правление; 3) распоряжение, указ, приказ. Последнее, безусловно, идентично, употреблению термина *jarliq*, что подтверждается §189, где “нарушение указа” обозначается как одним, так и другим термином, а также сравнением §§ 193 и 227 (доводить до сведения указ/приказ”), где последний выражается как через термин *jasaq*, так и через термин *jarliq*. Кажется, дело не в том, что в период Чингис-хана зародился новый вид законодательства, (“Яса”), а в употреблении в одном значении слов двух разных языков: тюркского *jarliq* и тунгусо-маньчжурского *jasaq*¹, как это наблюдалось в случае с терминами *ulus* и *irgen*.

По-прежнему открытым остается вопрос, решение которого не входит в мою задачу: было ли записано все то, что реформировал Чингис-хан, в свод законов при его жизни или появлению “Великой Ясы” мы обязаны его ближневосточным потомкам, так как в Китае она не была известна. Мне бы хотелось отметить наиболее важные моменты.

Первое. Право проистекало из собственной воли правителя, что отмечал еще П.Речневски. [1983, с.166]. И в данном случае можно говорить об архетипе традиционного сознания, когда Чингис-хан, как культурный герой, является создателем всего, и законов в частности. Второе. Это не свод законов, выработанный профессионалами на основе сложившейся государственной практики. Третье. Нельзя говорить о фиксированной судебной практике в лице Шиги-Хутуху, как считают некоторые ученые [Речневски, 1983, с.166; 7, с.27]. Я присоединяюсь к мнению И.Рахевилца и других, считающих, что он не участвовал в гражданской администрации и выражающих сомнение в значении термина – верховный судья (*gurderiyin jarguci*) [4, с.99]. Мне кажется, исследователям еще предстоит решить, что может означать должность *jagugu jargulugsan*, которая была определена Чингиз-ханом для Шиги-Хутуху, тем более, что мы видим его во главе отряда в войне [2, с.187], а судебные дела решает правитель, как мы видели, сам Чингис-хан, или, например, Угэдэй принимает решение о казни Дохолху – §281 [2, с.174]. Четвертое. Все цитируемые сохранившиеся отрывки из “Ясы” касаются частных вопросов (убийство, военная дисциплина, разбой, дела семейные, имущественные вплоть до дел по ведению хозяйства женщинами в отсутствие мужчины-воина, религиозные табу) и имеют окказиональный характер, поскольку были записаны как произнесенные Чингис-ханом по определенному поводу (Рачневски, 1983, с.166–170), являясь зачастую непониманием действующего обычного права. В сущности в этих известных отрывках не содержится законов, определяющих основные принципы жизнедеятельности общества.

Правовой характер носит и еще одна пара терминов: *tögrü*, *yosun*, которая в “Сокровенном сказании” употребляется в следующих случаях.

§121. “...для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан” [2, с.107] (*tögrö-yi ji, aqsan gū’ün-ni nimayi* [3, с.51] мой пер.: “для меня, человека, который проявил для тебя Высший Закон”).

§208. *yeke töre setkiju* [3, с.119] (мой пер.: “Я думаю о Великом Законе”)... *qaqacaqsan ulus qamtutqaqsan-u butaraqsan ulus bügütgeldükxen tusas-u inu tögrö setkijü...minuuruq bidan-u oro sa’uju ene metü tusa kixsen tögrö setkijü* [Там же, с.119–120] (мой пер. “(Задумываясь о) помощи в объединении разъединенного улуса, раздробленного улуса, я думаю о Законе.... То, что мой урук сидит на нашем троне – я думаю о Законе, принесшем эту помощь”).

§216. “По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонской сан – беки” [2, с.166] (*mongqol-un tögrö noyan mög beki bolqui yosun aju’ui* [3, с.125]. (Мой пер. “Монгольский Закон состоит в том, что путь нойна – стать беки”). В данном случае *yosun* и *tögrü* – синонимы.

§220. “Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, О Великой Правде, Ехе-Торе” [2, с.168]. (*tende tus qan-iyen tebcin yadaqsan yosu eyeke tögrö-yi setkijü’üi* [3, с.127]. В этом параграфе *yosun* и *tögrü* выступают как парное слово, как это наблюдалось с *ulus irgen*.

§178. “Сына ли только забыл я? Правды закон я забыл” [2, с.136]. (*kö’ün-esse’ep qaqasaqu-ju tögrö-dece qaqasaba* [3, с.90]. Речь, безусловно, идет о том, что Ван хан отошел от Высшего Закона.

§263: речь идет о “городских законах (*tögrö*) Ялавача и Масхута [2, с.189].

§281. (Угэдэй говорит): Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который... опережал всех в исполнении Правды-Торе” [2, с.199] (*dögrö kiciyegu* [3, с.174].

Обобщая данные монгольского источника, можно сказать, что *tögü* – это то, что можно знать, ощущать, воспринимать, иметь в себе (*setkikü* – §§ 208, 220); его можно проявлять для других, т.е. проявлять Высшую Волю (Закон) – *jiqacu* §121) и стараться в исполнении Высшего Закона – §281 (*kiciyegü*). Но можно в своей деятельности и отойти от Закона (§178 *qacasaqu*), т.е. *tögü* – это то, чему человек может следовать в своей деятельности, то что существует вне воли человека, не им создается, а дается ему свыше и им только осознается. Даже хан не творит *tögü*, а лишь следует ему, что позволяет обозначить этот феномен как “Высший Закон”, что, по-моему, и разъясняет выражение “Исчезает государство, /но/, сохраняется *töbü*” [7, с.41] и позволяет предположить, что в период Чингис-хана этим термином обозначался Закон, установленный Небом. В этой связи нельзя не вспомнить, что в древнетюркский период термин использовался для передачи понятия “дхарма” на древнетюркский язык [1, с.581], которое существовало наряду с его синонимичностью термину *yosun* (одно из тюркского, другое из тунгусо-маньчжурского²), означающее обычное право.

Но в данном случае мне хочется подчеркнуть еще недесакрализованное значение Закона (принцип универсальной равнозначности в микро и макрокосмосе, которое обеспечивает соблюдение установлений порядка, закона и правил, норм, следование которым обеспечивает гармонии в Космосе, Природе и Обществе), что характерно и для традиционного монгольского общества. Исполнителем воли Неба на земле является хан, проводник Закона. В этой связи привлекает внимание один из случаев иного написания термина в §281 “Сокровенного сказания” – *döbö* созвучное написанию сакрального копия – атрибута Чингис-хана (-аналог мирового древа). Значение термина, проявляющееся в §121, §178, §208, §281, связывается с маркерами центра.

Изучение ритуальных текстов подтверждает мое предположение об особом месте *tögü* в представлениях монголов о функционировании социума. Прежде всего *tögü* связывается с атрибутами маркирующими центр: “четыребунчужное черное знамя, ставшее железным колом – опорой *tögü* (*törü-yin tüsiy-e temür-ün yadayasun boluysan...dörben költü qar-a tuy* [5, с.70]; “четыребунчужное великое знамя (сульдэ, ср. предыдущее “туг” – Т.С.), ставшее колом (медиатором в качестве мирового древа – Т.С.) *tögü*, ставшее опорой телу... великое сульдэ (харизма – Т.С.) августейшего владыки (Чингис-хана – Т.С.), ставшее опорой *törü*, воплотившееся в девятибунчужном белом знамени (*törü-yin yadayasun boluysan...bay-e-yin tüsig boluysan...dörben költü yeke qar-a sülde törü-yin tüsig boluysan...yesun költü çagan tuy-iyen bosqajü...boyda ejen-ü yeke sülde* [Там же, с.74]; “августейшая ханша... – опора *toru* (*törü-yin tüsiy-e... boydo qatun* [Там же, с.98].

На мой взгляд, это подтверждается выражением, до сих пор бытующим в разных этнических группах бурят, о котором мне любезно сообщила Г.Р.Галданова: *sajin vurban koltei toru dorben koltei* (букв. “у религии – три ноги, у *toru* – четыре”), в котором через число определяется превосходство *toru* над религией. Если тремя опорами религии являются Будда, учение, община, то во второй части выражения ясно просматривается аналогия с четырехбунчужным черным знаменем, что может интерпретироваться как “четыребунчужное *tögü*”. В молитве черному знамени “*Qara sülde-yin öçig*” выстраивается синонимический ряд: “кол *törü*” (*törü-yin yadayasun*) – “опора *törü*” – (*toru-yin tusig*) – “великая харизма (*yeke suu jali*)” [Там же, с.73–74].

Находясь в сакральном центре социума, *toru* имеет тенденцию к увеличению, росту, расширению. Оно определяется как “обильное счастливое *toru* (*arbin sayin törü* [Там же, с.87, 102, 106]; “растущее *törü* (*örgej ikü törü*) [Там же, с.87, 99, 101, 103, 106]. *Tögü* было связано непосредственно с правителем, который получал (или принимал) его. В ритуальных текстах упоминается Чингис-хан: “Небеснорожденный Чигис-хан, получивший *tögü* народов мира” (*Delekei-yin ulus-un törü-yi abuysan tngrlig Çinggis-qagan* [Там же, с.63]; “(Чингис-хан), получивший *tögü* Ван-хана” (*Ong qayan-u törü-yi abuysan* [Там же, с.63, 67]; “(Чингис-хан), получивший *tögü* найманского Даян-хана” (*Naiman Dayan qayan-u törü-yi abuysan* [Там же, с.67].

Получение *törü* победителем (Чингис-ханом) вело к владению тем народом, который возглавлялся побежденным правителем: “Чингис-хан... получив *törü* Ван-хана, стал владеть множеством керситов и ведать (ими)” (*Ong qayan-u törü-yi abuysan, Olan kereyid-i ejelen medegsen Çinggis qayan* [Там же]. Это происходило из того, что *tögü* правителя являлось и *tögü* социума: “Чингис-хан... получивший *tögü* найманского Даян-хана, получивший *tögü* всего великого улуса” (*Naiman Dayan*

qayan-u törü-yi abuysan Narmai yeke ulus-un törü-yi [abuysan... Ćinggis qayan [Там же]. А “Чингисхан, находящийся в центре Ордосского тумэна (вероятно, речь идет о сакральном центре монголов – Эджэн-Хоро, где хранятся реликвии Чингис-хана. – Т.С.), стал владыкой множества улусов” (Ordos tumen-iyen töblen sayuysan, Olan ulus-un eĳ en boluysan Ćinggis-qayan [Там же].

Правитель, получивший törü и ставший его проводником, обозначается следующим образом: “Хан и ханша разрастающегося великого törü” (örgeĳ ikü yeke törü-yin qan qatun [5, с.77]; “хаган и ханша обильного, счастливого törü” (arbin sayin törü-yin qavan qatun [Там же, с.87, 88, 106], но важно отметить, что именно благодаря törü, а если следовать ритуальным текстам, то благодаря нахождению внутри törü, “хаган и ханша, (находящиеся) в центре расширяющегося счастливого törü (örgeĳ iküi sayin törü-yin dumda qayan qatun [Там же, с.99], обеспечивают счастье, мир, хорошую долю своему народу. К ним так и обращаются: “Пусть дадут всему народу мир, счастье и (хорошую) долю” (qamuу ulus-a engkesün ĳiryal ĳayaуan ögtügei [Там же].

Таким образом, материал обрядовых текстов демонстрирует, что по традиционным представлениям средневековых монголов выполнение правителем регулирующей функции в социуме обеспечивается его особой связью с törü – Высшим Законом, который Небо через него проявляет.

На основании анализа нарративных монгольских источников XIII–XIV вв. можно прийти к выводу; правовые термины разделяются на три группы значений, – сакральное право (törü), обычное право (törü и yosun) и зарождающееся гражданское право (ĳarliу, ĳasaу). Кроме того следует отметить три момента:

1) Использование двух терминов для обозначения одного феномена (törü / yosun, ĳarliу / ĳasaу) объясняется участием в этногенезе монголов двух (тюркоязычного и тунгусо-маньчжурского) субстратов.

2) Термин ĳasaу интерпретируемый исследователями как кодифицированное право (“Яса”), в источниках данного периода обозначает указы, приказы, инструкции, высказанные Чингисханом по определенному частному поводу, но не фиксированные письменно в свод.

3) Анализ обрядовых текстов, сохраняющих актуальность до настоящего времени, позволяет предположить, что термин törü в монгольской традиционной культуре был не только синонимом yosun (-обычное право), но и маркировал сакральное право (в древнетюрк. использовался для передачи понятия “дхарма”).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ĳarliу – повеление, предписание, приказ [1, с.242].
- ĳacak – маньч. правитель, управитель, князь; чжурчж. размещать, управлять, упорядочивать, регулировать [6, с.252].
2. törü – порядок, правило, закон, обычай, обряд ... рел. дхарма.
- ĳöсö – вера, маньчж. обычай, закон, обряд, церемония; солон. обычай, образ; эвенк. вера, верования [6, с.348].

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
2. Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.
3. Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols. – Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972, Vol, 121.
4. Rachewiltz I. de. Some Reflections on Chinggis Qan's jasar – East Asian History. Canberra, 1993, №6, Dec.1993.
5. Rimtchen B. Materiaux pour l'etude du chamanisme mongol. T.I. Wiesbaden, 1959.
6. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., Т.1, 1975.
7. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.